

Надежда Беленькая

Рыбы молчат
по-испански

Надежда Беленькая

Рыбы молчат по-испански

«WebKniga»

2013

Беленькая Н. М.

Рыбы молчат по-испански / Н. М. Беленькая — «WebKniga»,
2013

Это роман о прибыльном, опасном и противозаконном российском бизнесе — международной торговле детьми. Обычно авторы столь опасных произведений пытаются защитить себя от возможных претензий. Надежда Беленькая поступила демонстративно наоборот. Вот первая строчка ее книги: «Эти события происходили на самом деле». Она все видела, сама во всем принимала участие, сама все пережила и сама поняла, что так продолжаться не должно. Но она отчетливо поняла и другое: отчего детдомовские дети, нашедшие счастье в приемной семье за границей, при звуках русской речи в ужасе прячутся под стол. Так продолжаться тоже не должно.

Надежда Беленькая

Рыбы молчат по-испански

*С любовью и благодарностью Ляле Костюкович за идею,
Юлии Добровольской за поддержку и понимание,
Борису Пастернаку за издание,
Галине Хондариан за участие,
Любе Сумм за дружбу;
мужу, маме, детям – за терпение.*

Эти события происходили на самом деле.

* * *

Когда на ранней заре Ксенин джип выехал из Москвы, его окружила такая непроглядная ночь, что Нина испугалась: как будто нырнули в подземный тоннель.

От темноты зрачки ломило, как зубы от кислоты.

И никакой надежды на свет в конце тоннеля – ни проблеска, ни полоски в небе, обещающей утро.

Только фары джипа освещают дорогу.

«Дэвид Линч, “Шоссе в никуда”», – вспомнила Нина.

Испанцы на заднем сиденье притихли, но Нина чувствовала, что они не спят.

Может, тоже думают про Линча.

Или про свет в конце тоннеля.

Роса протянула руку и осторожно коснулась Нининого плеча.

– Пожалуйста, – попросила она, – уточни у Ксении, сколько километров до Рогожина...

Нина вздрогнула – голос прозвучал неожиданно громко.

Перевела вопрос.

– Двести, – сухо ответила Ксения, не отрывая глаз от светового пятна впереди, похожего на желтую бабочку.

«Нельзя ее отвлекать, – подумала Нина. – Такая опасная дорога...»

– Прошлой зимой, – неожиданно заговорила Ксения, словно услышав ее мысли, – возвращаюсь вечером в Москву. С испанцами... Смотрю – впереди фура. Черная, страшная... Габаритные огни забыли включить, сволочи... Чуть не вписалась...

– Ужас... – сочувственно бормочет Нина. Она не знает точно, что такое «габаритные огни», но живо представляет черную громаду, о которую вот-вот разобьется маленький серебристый джип.

Светает – как будто в кювете с раствором медленно проявляется черно-белая фотография. Смутные очертания за окошком становятся более контрастными. Мрак отделяется от света, небо от земли. Зрачки уже не ломит от клубящихся пятен, и бабочка не скачет впереди так желто и ослепительно. Вот пробежала сосна. Стайка юных берез чуть не выскочила на дорогу – посмотреть, кто тут едет с московскими номерами? Мелькнул темный дом – так неожиданно, что Нина вздрогнула и обернулась, провожая его глазами.

Вдоль трассы с обеих сторон тянутся заснеженные поля.

– А ты вообще откуда? – спрашивает Ксения.

Она взбодрилась – видимо, напряжение ночной дороги слабело.

– В университете преподаю. На филфаке. Учусь в аспирантуре, – отвечает Нина, с трудом отрывая взгляд от плывущего за окошком пейзажа.

– А как меня нашла?

– Позвонила знакомая. Сказала, что ищете переводчика на два дня. Она сама собиралась поехать, но не получилось.

– Как зовут знакомую?

– Юля.

– Не помню такую...

– Может, ее тоже кто-то попросил.

– А как же университет?

– В смысле? Ах да – сейчас каникулы.

– Каникулы... Совсем про них забыла... Что-нибудь еще Юля твоя говорила?

– Ничего. Сказала только, что они ребенка усыновляют и нужен переводчик... А вы давно с испанцами работаете?

– Давай-ка лучше на ты. Работаю восемь лет. Сперва были американцы, теперь вот испанцы. Четыре переводчицы сменила... Ты им, кстати, скажи, что в департаменте нас сегодня принять не смогут. Перенесли на завтра.

Нина перевела. За спиной послышалось беспокойное оживление.

– Они спрашивают, разрешат ли им сегодня увидеть дочку.

– Нет, конечно. Без направления не пустят. Переночуем в гостинице, а с утра в департамент, потом в дом ребенка...

Пустынная трасса оживала. Впереди, грохоча и рассыпая снежную пыль, неслись грузовики. Давя на газ, Ксения обгоняла сонные легковухи – в основном «жигули», «нивы», одну разлапистую «волгу», такую грязную, что определить цвет было невозможно. Постройки вдоль дороги становились более основательными, деревянные избы сменились каменными домами. Неожиданно из-за угла вывернули рельсы, по ним навстречу проехал трамвай. Потянулась чугунная изгородь, за которой белел заснеженный парк с черными бутонами озябших ворон.

Мутные сумерки. Люди спешат на работу.

Таким Нина впервые увидела Рогожин.

* * *

Скажи, по каким местам пролегают твои маршруты – и я скажу, кто ты.

Что если, соединив все эти точки на карте, мы узнаем про себя что-нибудь особенное – увидим силуэт судьбы, тайный знак, которым каждый отмечен? У одного получится пентаграмма, у другого – треугольник, у третьего – квадрат, по равным сторонам которого человек носится всю жизнь как белка в колесе. Но скорее всего это будет цветок, чья сердцевина – какая-нибудь захудалая станция метро, где у человека дом, а лепестки – районы, куда он навдывается по работе или по какой-то другой надобности.

У одних – колокольчик, у других – ромашка, у третьих – гвоздика или чертополох.

Силуэт Нининой судьбы представлял собой трапецию, расположенную между четырьмя точками на карте Москвы. Конечно, время от времени появлялись новые маршруты, но это случалось нечасто, и поэтому на ее личной карте они были бы обозначены бледным пунктиром.

Ехать рано утром куда-то за двести километров по заснеженной трассе – ничего похожего в ее жизни еще не было, и Нина с любопытством рассматривала незнакомые места. Пригород остался позади, они оказались в центре. Пересекли мост, под которым белела замерзшая речка. Проехали по главной улице – разумеется, это была улица Ленина, которую в большинстве русских городов не успели, да и не собирались переименовать, – затем свернули в один из

переулков, сделали круг и снова выехали к реке. Спешить было некуда, и, катаясь по городу, Ксения размышляла, как провести день.

– В общем, – сказала она, притормозив возле заведения с надписью «Пиццерия», – для начала позавтракайте. Гостиница забронирована, но не сидеть же в номере целый день. Тяни время, его у нас полно. Будут спрашивать – говори честно, что ничего не знаешь. Ладно, давайте.

Она махнула испанцам рукой и захлопнула дверцу.

Джип заурчал и, переваливаясь на темных волнах слежавшегося снега, покатил к шоссе.

* * *

Когда отдыхаешь после трехчасовой зимней дороги – на улице пасмурно, снег забился в протекторы и тает, круглая лужа расплывается возле ботинок, на столе кусок пиццы и кофе, а напротив квадратное во всю стену, от пола до потолка, окно – холодная с капельками воды стекляшка, – кажется, что мир – это то, что внутри: провинциальная кафешка со столиками. Обычная недорогая забегаловка, где народу полно, и все тихо гудят, как примороженные пчелы. В такой пиццерии каждому найдется место – представителям мелкого и среднего бизнеса, дворникам, уличным торговцам, студентам, менеджерам сетевого маркетинга, краснолицым деревенским здоровякам с большущими руками, тетке с комнатной собачкой, которая то и дело высовывает старушечью головку из сумки, и тогда тетка утрамбовывает ее обратно, нажимая сверху ладонью, как дрожжевое тесто в кастрюле.

На носу у дамы с собачкой – солнцезащитные очки, хотя солнца нет и в помине.

Пиццерия в центре Рогожина – это и есть весь мир.

Универсум. Ойкумена. Орбис-террарум. Эль-мундо.

В первую очередь, конечно, эль-мундо – с Ниной и испанцами, сидящими напротив.

А квадратное окно во всю стену – это как бы не мир, а нечто за его пределами. Аквариум для привлечения посетителей. Вместо воды – новенький снег. Вместо водорослей – деревья, белые, как будто их окунули в сметану. Вместо рыб – пешеходы и машины.

Нина осторожно разглядывает деревенских. Приехали в Рогожин по каким-то своим делам. Все-таки – крупный город, столица региона. Перед ними рюмки, наполненные чем-то прозрачным, а если внимательно приглядеться – отражение в каждой рюмке в точности повторяет пиццерию, Нину, испанцев, окно.

Все здесь какое-то странное, немного ненастоящее. Даже испанцы кажутся Нине особенными. Как бы не очень-то испанцами. Не вполне. Во всяком случае, они отличаются от тех, к которым Нина привыкла, пока жила в Барселоне. Конечно, Страна Басков – это тебе не Каталония. Роса почему-то отправилась в Рогожин в юбке, а не в джинсах, как путешествуют все нормальные путешественницы, и с накрашенным ртом – обычно европейки почти не красятся, тем более в дорогу, подрисуют изредка губы розовым, и все. А у этой две такие вишневые лодочки с темными бортиками. И зубы за ними мелькают. Белые. Бла-бла-бла – рассказывает Нине про свою испанскую жизнь.

Дует на остывающий кофе.

Белая сливочная пенка убегает от сложенного трубочкой рта на противоположный конец чашки, обнажая поверхность, черную, как зимнее море.

Еще чуть-чуть и выпрыгнет на блюдце.

Из-под чашки выползает пятно, расплзается по салфетке.

В стеклянном аквариуме напротив – сумерки.

– Работаем в школе, – Роса откусывает пиццу и запивает кофе. – Я преподаю математику, а Хосе – химию. В основном дети иммигрантов. Арабы, марокканцы, но есть и литовцы, укра-

инцы. Родителям кажется, что в Стране Басков устроиться легче, чем в Барселоне. Ясное дело, большинству не до математики.

Нина разглядывает Росу – красивые глаза, рот. Даже нос красивый. Нос в человеческом лице самая странная деталь, думает Нина: он неэротичен – да чего там, просто комичен, смешон. Зато стоит сосредоточиться и представить, что тебя окружают одни носы – и сразу становится весело! Важные птицы – задирают голову, кивают клювами. Но у испанки нос горделивый, тонкий, как породистый арабский скакун. Когда она говорит, кончик двигается вверх-вниз, и это завораживает, как будто перед Ниной отдельное разумное существо, а не просто чей-то там нос.

Супруг у Росы тоже тот еще фрукт – какой-то слишком внимательный и неулыбчивый для иностранца. Серый джемпер в ромбик и клетчатая рубашка. Молчит, буравит Нину глазами. Конечно, он еще ни разу не разглядывал русскую женщину вблизи. Сотрудницы консульства и обслуживающий персонал отеля не в счет. Нина – первая.

– Живем не в самой Памплоне, – продолжает Роса. – В поселке рядом. Вот, смотри...

Роеся в сумке – такая лаковая дамская сумочка из кожзама, слишком кокетливая для европейской учительницы. Вытаскивает фотки, раскладывает перед Ниной.

– Наш пуэбло... Маленький городок, три тысячи обитателей. Ну да, по-вашему, наверно, деревня. А пятеро жителей уже погибли в терактах – одну я знала, торговка рыбой. Конечно, ужас. Передай мне еще кусочек пиццы, Хосе, кариньо... И что ты думаешь? – все поголовно поддерживают ЭТА! Мы с Хосе против – и представь, стыдимся об этом кому-нибудь сказать. А знаешь почему? Потому что ЭТА – национальный символ... Вот у каталонцев – Саграда-Фамилия, в Андалусии – фламенко. А Страна Басков? У нас – ЭТА. Нет, больше не надо – я по утрам мало ем...

– Правда, – Нина кивает.

Ей тоже при слове «ЭТА» вспоминается Страна Басков. И наоборот.

– У нас уже есть русский ребенок, – продолжает Роса. – Дочь, Эленита. Она из Новгорода. Очень переживает, что мы поехали в Россию без нее. Обещали взять с собой знакомиться с сестрой. А паспорт в марте истекает – с истекающим, говорят, нельзя. Первый раз слышу такую глупость! Ну ничего, – добавляет она. – Приедем в Россию летом на каникулы. Поживем в Рогожине, в Новгороде, будем гулять по старинным улицам, заходить в музеи, посещать рестораны русской кухни – пусть девочки попробуют «blini» и «borsh». Солнце – вот чего сейчас не хватает! Куплю себе платок с бахромой – «shal». Будем фотографировать монастыри, церкви с золотыми тыквами...

– С луковками, – машинально поправляет Нина.

– Что? – переспрашивает Роса.

Испанская «луковица» странно сочетается со словом «церковь».

– Золотые купола на церквях у нас называют луковками.

– А, – кивают испанцы.

– Послушайте, – внезапно говорит Нина. – Если вам понадобится переводчик или просто чтобы кто-то помог – звоните мне. Я оставлю свой телефон.

– Спасибо, – улыбаются испанцы.

– Я серьезно, – добавляет Нина. – Это не за деньги, понимаете? Бесплатно, как друг.

Друг – слово европейское. В России – знакомые, приятели, коллеги. По-испански все они – «amigos», друзья. Нина старается не употреблять лишний раз это непростое слово, но теперь ей нужно подчеркнуть, что она – своя, она сочувствует.

– Деньги за помощь не возьму, – поспешно добавляет она на всякий случай, чтобы они все поняли как надо.

Она не уверена, что Ксении по вкусу такие разговоры, и вообще – прошло слишком мало времени, чтобы сблизиться с незнакомцами и предлагать услуги. Но Нину так умилил рассказ про русских сирот и золотые купола, что она не удержалась.

– Спасибо, Нина, – испанцы тронуты.

Пицца съедена, кофе выпит. А впереди еще целый день.

Звонит телефон. В трубке Ксения – она уже здесь. Нина не заметила, как серебристый джип причалил к тротуару.

Оделись, вышли на улицу. И тут же все рассыпалось – аквариум опрокинулся на них настоящей сыростью, всамделишным холодом, уличным шумом...

* * *

Центральная гостиница, куда их вечером привезла Ксения, представляла собой неряшливое строение с фасадом на вокзал.

Покормив испанцев ужином в гостиничном буфете, Нина взяла на рецепции ключ и поднялась в небольшой, пропахший куревом номер. Узкая кровать, стол, телевизор. Трубы отсырели и покрылись потеками ржавчины, в унитазе журчала вода, как в комнатном фонтанчике из тех, что продаются в цветочных магазинах, а в бачке что-то хрипло свистело. Под окнами тускло светили фонари. Улица выглядела уютной. Она была похожа на театральную декорацию. Казалось, где-то жгут костры, и от этих невидимых костров разливается мягкое оранжевое сияние. Над деревянными домами отвесно поднимался печной дым, сливаясь с небом, и казалось, небо стоит на столбиках. Нина открыла форточку, в которую ворвался ночной воздух. До нее донеслись звуки окраины, звон капель, падающих с крыш, шелест снега. Откуда-то прилетел собачий лай – издали он казался почти нежным. Нина легла на кровать, привалилась спиной к твердой, как кирпич, гостиничной подушке и прислушалась.

День был долгим, пустым. Но он кончался. Его последние часы медленно ползли сквозь гостиничный номер, как огромный прохладный слизень – такие появляются летом после дождя на городских тротуарах.

Что же особенного в нем было, откуда взялась в Нине смутная непроходящая тревога?

Только много времени спустя она поняла, что это был за день. Оглядываясь в прошлое, она видела его как маленький стеклянный шар с домиками и снегом – снег лежит неподвижно, укрывая игрушечный город худым муравьиным одеялом, но стоит взять шар в руки – и взбаламученные снежинки взлетают и кружатся! Внутри шара скрывалось все Нинино будущее. Тысячи километром дорог, туго смотанные колесиком серпантина. Миллионы непривычных слов, которые ей предстояло произнести. Люди и события томились в его стеклянном толще, как спящие рыбины, закованные в лед.

И где-то в самом сердце шара крошечным иероглифом темнела смерть...

В тот вечер Нина еще не могла знать, что подходящий к концу зимний день был точкой невозврата.

Ни о чем таком она не догадывалась – ни о стеклянном шаре, ни об иероглифе.

Просто мерзла и тревожилась, привалившись к твердой гостиничной подушке.

Чтобы отвлечься и заглушить беспокойство, надела очки, вытащила из рюкзака вещи. Кипятильник, чашка, печенье в шуршащем пакете. Полотенце, зубная щетка. А вот и глянцевый журнал, который днем дала почитать Ксения, – увесистая скользкая книжища разъезжалась в руках, когда Нина торопливо пыталась свернуть ее цилиндром, чтобы запихнуть в рюкзак. Обычно такие журналы она не читала даже от скуки. В кровати перед сном, в метро, в универе в перерывах между занятиями – на любой случай жизни у нее было заготовлено серьезное, нужное чтение. Большой рюкзак – большая полноценная книжка, маленькая сумочка – Нина наскоро прихватывала какую-нибудь монографию с кафедры. Но в Ксенином

журнале она еще днем обнаружила статью про Сальвадора Дали, о которой вспомнила только сейчас.

На развороте – репродукции известных картин: «Сон, вызванный полетом пчелы вокруг граната за секунду до пробуждения», «Предчувствие гражданской войны». Все это Нина помнила наизусть. Пробежала глазами текст. «...Гала, – рассказывалось в статье, – произнесла незабываемую фразу: “Мой маленький мальчик, мы никогда не покинем друг друга”. В быту они оказались почти идеальной парой, как часто случается с совершенно разными людьми. Из парижанки, находившей удовольствие в развлечениях богемы, Гала превратилась в няньку, секретаря, менеджера гения-художника, а затем и в хозяйку огромной империи, имя которой – Дали. Гала транжирила деньги направо и налево и делала это очень весело...» И дальше в том же духе. Любое повествование о Дали казалось Нине поверхностным, едва ли не бульварным: его дневники были темой ее неоконченной диссертации, и она без подготовки могла рассказать больше, чем любой глянцевого автора. За несколько лет материалов накопилось так много, что тема расплывалась, казалась необъятной и к тому же все время норовила дать побег самостоятельных сюжетов. Нина уже с трудом понимала, какое отношение к ней лично имеет это громоздкое сооружение, выстроенное по чужим правилам, и постепенно, втайне ото всех, начинала им тяготиться.

«Нормальные люди пишут диссертацию быстро, – внушала ей мать. – Застрянешь, и растянешься на годы».

На годы... Возможно, это как раз Нинин случай – ей уже скоро тридцать.

Она вздохнула и перевернула страницу. Знакомые черно-белые фотографии. Растираженный Дали-символ, Король Мустафа с вытаращенными глазами. А вот ранняя фотография – Кадакес, море, застенчивый юноша отдыхает в кресле на берегу. У юноши усталые руки и тонкий профиль. Ножки плетеного кресла слегка вдавлены в сырой песок, и море тянется, стараясь лизнуть ботинки. Еще один известный снимок: берег, обнаженный Дали обнимает Галу – мечтательное, немного отстраненное лицо, как будто он не догадывается, что их фотографируют. Видно, как под мышками растут волосы. Интересно, подумала Нина: все фотографии черно-белые! Как будто Дали так и остался в первой, черно-белой половине своей жизни вместе с поплывшими часами, облачными слонами, с муравьями, вылезавшими из хлеба. И еще – на берегах Ампурдана, в полоске скалистого берега, в дымке на горизонте. В небесной тверди – густо-синей, как масляная краска в ведерке. В темном облаке-бумеранге над морем.

Отложив журнал и закрыв глаза, Нина думала о диссертации, Дали, Ампурдане, а зимняя ночь, втекавшая в форточку, пахла камнями и солью Средиземноморья.

Снег кружился внутри стеклянного шара.

С вокзала донесся тоскливый вой электрички.

Нина спала.

* * *

Внезапно в номер постучали, кто-то осторожно повернул ручку.

Из-за двери показались Ксенины очки.

– Эй, не спишь? – зашептала Ксения. – Ничего, что я зашла? Ты дверь-то на ключ закрывай. Перепутает кто-нибудь спяну и уляжется тебе под бок. Или деньги стырят.

– Я не знала, что нужно на ключ... Давно в гостинице не жила.

Ксения сняла кроссовки, мягкие и неслышные, как волчьи лапы, и плюхнулась на Нинину кровать, прямо на одеяло. Как была с улицы – распустив на шее вязаный шарф и не снимая куртки.

За окнами гостиницы шел снег, и на ее очагах сверкали капли. Снег валил, как непрозрачный белый ливень. Если погасить лампу, сквозь задернутые шторы было видно, как косматые тени, проплывая по складкам, медленно слетают вниз.

– Блин, как же все достало, – бормочет Ксения, снимая очки и вытирая шарфом мокрые стекла.

– Что-то случилось?

Нина знала, что в восемь вечера Ксения отправилась на встречу с важными людьми. Важные люди говорили по-русски, и в переводчике она не нуждалась. На улицах было пусто, дремотно. Нина и испанцы остались в гостинице, а Ксения села в свой джип и умчалась во тьму. В самой глубине этой тьмы, в одном из рогожинских ресторанов ее ждали.

– Ничего не случилось. Просто у меня не было выбора, – в Ксенином голосе звучит отчаяние. – Я не могла не пойти. А там все пьяные, водка, жратва. Морды от жира блестят... А я ж на диете. Раздельное питание по Монтиньяку. После семи я вообще ничего не ем!

Постепенно до Нины доходит, что Ксения пьяна. От нее пахнет водкой и ресторанной едой. Запах застолья, смешавшись с гостиничным куревом, вытесняют синеватую прохладу, которая втекала с улицы через форточку.

– Хочешь чаю?

– Давай, если есть. До сих пор не согреюсь... Понимаешь, я жратву ихнюю не перевариваю – в прямом смысле слова. Даже запах. Ветчина, колбаса, рулет куриный... Тьфу! В салате ведро майонеза. И главное, шутки их пошлые, морды красные...

Нина поставила греться воду в стакане, окунув туда прихваченный из Москвы кипятильник, и удивленно посмотрела на Ксению.

– Чиновники, – пояснила Ксения. – Начальник департамента образования, оператор банка данных, социальный работник из дома ребенка. Тетки из роно... У начальника департамента сегодня день рождения, и он целый пир закатил. Заодно меня позвал. Большая, между прочим, честь. Такое общество! Чиновникам рогожинским бабки девать некуда, вот и транжирят на юбилеи... Фу, до сих пор колбасой воняет, – добавляет Ксения, брезгливо обнюхивая рукава.

– Зачем же все тратить на колбасу? Купили бы, скажем, машину хорошую, – машинально отвечает Нина, высыпая на тарелку раскрошившееся печенье.

– Не могут они машину купить... Рогожин – не Москва. Каждый чиновник на виду. Все друг про друга всё знают. Купит квартиру кто-нибудь или машину – а ему: откуда деньги, сволочь? Вот и проедают все, что заработали... Чтобы не светиться. А еще летом ездят в Турцию – и там отрываются: жрут, жрут... Видала, какие тарелки наш русский брат-курортник уносит с олинклюзива? Как в них столько влезает, ума не приложу...

– А ты бы отказалась, придумала бы что-нибудь, чтобы никто не обиделся. Нельзя, мол, жирного, алкоголь врач запретил. – Нина опустила в стакан пакетик чая и придвинула Ксении.

Ксения прижимает кончики пальцев к горячему стакану.

– Блин, классно... Чаек горяченький... Понимаешь, нельзя отказаться. И не придумаешь нечего. Я обязана всем здесь доказывать, что я – своя. Такая же, как они. На самом деле они прекрасно понимают, что это не так. Они бы и срать со мной в одном лесу не сели. Но деньги, понимаешь? Все дело в деньгах. Обоюдный, так сказать, интерес. Вот и расплачиваюсь: таскаюсь по ресторанам, помню всех по именам, водку пью. Знаю местные сплетни. Они не должны чувствовать, что я столичная штучка. Иначе – недоверие, и тогда все пропало.

– Что пропало?

– Детей давать перестанут! В Рогожине такие, как я, тучами клубятся. Вот они и выбирают тех, кто им нужен. Высматривают, принохиваются. С кем удобнее работать, с кем не очень. Слишком умная – до свидания. Слишком энергичная – тоже не особо жалуют. Меня

терпят за то, что я так себе, серенькая мышка. Видишь, как я сюда езжу? Курточка, кроссовки. Костюмчик спортивный. Им так проще.

– А разве они могут не давать детей? Ты же агентство.

– Никакое я не агентство. Я – независимый посредник. Договариваюсь с чиновниками, сирот добываю... А потом мне подгоняют иностранцев, которые этих сирот усыновляют.

– И много желающих? – Нина заварила еще один чай, себе.

– Еще бы... Хоть отбавляй. Своих-то детей нету. Не знаю, в чем у них там дело. Может, развитые страны вырождаются, вот и едут к нам. У нас-то дома ребенка по швам трещат. Отказные младенцы месяцами в больницах валяются, чтобы туда попасть. Приезжай – и усыновляй.

– Это просто?

– Сейчас не особо. Раньше проще было: познакомились с ребенком и увозили его к себе в Испанию или Америку без всякого суда. А теперь по-другому: сперва знакомство, куча бумажек, потом суд... Детей выбирать не разрешают, какого предложат, такого и берешь. Скажу тебе по секрету, – добавляет Ксения, дую на чай, – у нас в России детишки нынче – главное сырье. Покруче нефти и недвижимости.

– Звучит цинично...

– Ну и что, – Ксения пожимает плечами. – Я правду говорю. А правда, она чаще всего такая и есть – циничная.

– А в чем правда?

– В том, что на наших младенцев спрос во всем мире... Раньше со мной другая девчонка ездила, – продолжает Ксения. – Переводчица. Серенькая, глупенькая. Такой воробышек. Сама из глубинки. А на прошлой неделе взяла и сбежала. Как ты думаешь, почему? Правильно: свой регион открыла. В тихом омуте черти водятся. Теперь вместо нее будешь ты. Во всяком случае, я очень надеюсь. С тобой хоть поговорить можно.

Нина удивляется. Говорит-то в основном Ксения, а она только слушает. Наверное, внимательный слушатель – это и есть лучший собеседник. К тому же она угадывает в Ксении что-то родное, как будто они уже давным-давно знакомы. Да еще этот кургузый берет, смешные очки. Капризное, детское лицо – Нина не поверила, узнав, что у Ксении уже двое взрослых сыновей...

И первое впечатление в тот миг, когда ранним утром в Москве Нина села в Ксенину машину, – что за рулем она сама, только на десять лет старше.

* * *

За ночь снег завалил весь город. Дороги, дворы, тротуары исчезли – все сделалось ровным и белым. Ксенин джип похож на кусок мыла в серебряной мыльнице. Кусты под окнами – на человечков в белом камуфляже.

Номер, куда накануне поселили испанцев, совсем не такой, как у Нины, – просторный, светлый, с широкой кроватью, где разместились бы четверо. Испанцы уже готовы. Вместе поднялись в буфет, выбрали столик у окна – рассматривать зиму. За окном пасмурно, как осенью.

– Такая погода, как сейчас, это не настоящая зима, – объясняет Нина. – Это особенное явление, называется оттепель. В испанском языке нет похожего слова.

– А настоящая? – спрашивает Хосе. – Сколько градусов?

– Минус пятнадцать или даже двадцать.

Хосе корчит испуганную гримасу. Разве способен человек выжить в таких экстремальных условиях? Хосе, например, нет. Оттепель ему подходит больше.

Принесли поднос с завтраком. Официантка торопливо переставляет на стол тарелки, йогурты, сок и кофе.

– Красиво, – мечтательно говорит Роса, прихлебывая остывший кофе и глядя в окно. Зимний день отражается в ее черном зрачке крошечным бельмом.

– Очень красиво, – вежливо соглашается Хосе. – У вас зимой всегда столько снега?

«У нас в России зима круглый год, – мрачно думает Нина, допивая кофе и вставая из-за стола. – Уснешь летом – проснешься зимой. Мы лету не верим. Оно короткое. Привыкнешь – раз, и нет его. Зима – дело иное. У нас все для зимы – центральное отопление, целый шкаф теплой одежды. Этого так просто не объяснишь».

После завтрака вышли на улицу, где их уже поджидал Ксенин джип.

– Холодно, – говорит Роса, опуская в сугроб замшевую туфельку.

Хосе поднимает воротник плаща и прикрывает лысину теплой ладонью.

Джип тронулся с места и полетел вдоль трамвайных путей мягко и легко, как зимние сани.

– Мы сейчас едем в мэрию. В департамент образования, – объясняет Ксения, притормаживая на светофоре. – Им все про ребенка расскажут и дадут направление на знакомство.

– Знаешь, мне показалось, что они про эту Риту свою и так все уже знают... – заметила Нина.

– Еще бы они не знали! У них и фотка есть. Но на приеме не вздумай ляпнуть, что им все известно. Надо делать вид, как будто слышат впервые. Информацию о ребенке они должны получать официально... Чтобы все по закону.

Паркуются возле центральной площади. Мэрия – здоровенное серое здание – плохо сочетается с обветшалыми домами, кремлем и огромным печальным собором в отдалении. Напротив входа памятник Ленину. Мокрый ветер со свистом несется им навстречу, забирается под одежду. Нина ускоряет шаг.

Ксения открывает тугую стеклянную дверь, и они входят в вестибюль, который кажется продолжением площади. Никого нет, стены пахнут сырым ракушечником. Поднимаются на четвертый этаж. Входят в кабинет – Нина не успела прочесть надпись на табличке. Испанцы улыбаются, по очереди жмут руку устремившейся им навстречу толстухе в малиновом, похожей на полководца Кутузова, вежливо интересуются, как у нее дела. К Нине чиновница обращается неожиданно резко:

– Паспорт ваш дайте.

– Вот, пожалуйста, – Нина протягивает паспорт.

– Что это? Не пойму ничего!

– Это заграничный паспорт. – Нина смутилась. Она предупреждала Ксению, что ошиблась и, выходя из дома, вместо гражданского паспорта прихватила заграничный. – Российский случайно остался дома. Простите.

Чиновница вся подобралась, как спаниель, учуявший утку, и смотрит на Нину враждебно, сузив глаза:

– Вы что, иностранная гражданка?

– Нет, я гражданка России.

– Тогда почему паспорт заграничный?

– Так это тоже российский паспорт. Обыкновенный. Подтверждает личность. Вот, смотрите: имя, фамилия, – оправдывается Нина, но тут же смолкает, испугавшись, что сказала слишком много. Так нельзя, Ксения предупреждала.

– Я сейчас с вами работать не буду! Зачем мне ваши имя-фамилия? Я только с гражданами России работаю.

Нина теряет окончательно.

– А где у вас испанская виза?

На мгновение Нина утрачивает чувство реальности. Неужели тетка в малиновом не слышала, что на свете существуют заграничные паспорта? И зачем кому-то в Рогожине ее испанская виза?

- Чтобы такое в последний раз, – строго приказывает чиновница.
- Да-да, конечно, – в ужасе бормочет Нина. – В последний.

– Да ладно тебе, – утешала Ксения приунывшую Нину. – Ты просто ее напугала. Первый раз в жизни тебя видит, понимаешь? А тут еще этот твой паспорт. В Рогожине народ пугливый. Всего боится – проверки, доноса... Каждый новый человек – потенциальная опасность. Привыкнут – по-другому начнут разговаривать. Выпей лучше компотику – смотри, ягодка плавает... Глядишь, еще и полюбят тебя. Им хочется видеть знакомые лица, а не абы кого. Потерпи.

Ксения предупредила очень вовремя – недоверие и страх появлялись в этот день на многих лицах. Социальный работник Ада Митрофановна, встретив Нину в коридоре дома ребенка, уставилась на нее, как на говорящую ослицу, а затем поспешно устремилась на поиски Ксении. Нянечки рассматривали ее по-коровьи испуганно и тупо, словно она обращалась к ним на иностранном языке. В Рогожине ее никто не хотел и не ждал.

Дороги в центре города были скверные. Возле дома ребенка Ксенин джип забуксовал, беспомощно вращая колесами, потом поднатужился, взвыл и выскочил на дорогу. Заезжая в ворота, круто завалился сперва на один бок, затем на другой, и наконец медленно вкатился во двор.

Дом ребенка напоминал военный госпиталь: кирпичное здание цвета венозной крови. Навалившись плечом, Ксения открыла обитую дерматином дверь, и они погрузились в теплую густую вонь, напоминающую скорее дом престарелых: хлорка, лекарства, подгоревшая еда, нечистое белье.

Поднялись на второй этаж в кабинет – пугающе просторный, пустой и очень холодный. Пустую стену украшали сюжеты из детских мультфильмов. В центре композиции – Айболит: небольшой, с кое-как соблюденными пропорциями, в белой шапочке, в руке градусник. Рядом плоская лягушка, состоящая из одной головы и ненамного меньше самого Айболита. Кургузая сова боязливо выглядывает из зловещей тьмы дупла...

Айболит ее детства – Нина сразу же его вспомнила: точно такой был много лет назад в зубной поликлинике, куда ее водили. Там все было до ужаса тоскливым, особенно эта картинка с Айболитом и еще ледяные выцветшие пластмассовые игрушки, в которые никто никогда не играл. Сидя под дверью кабинета, маленькая Нина изо всех сил старалась представить, что у докторов с жесткими пальцами где-то есть другая жизнь – дети, кошки, телевизор, домашние праздники, воспоминания и тайны. Она повторяла себе, что ледяной коридор совершенно необходим в мире, где у детей болят зубы, и ей почти удавалось себя в этом убедить, и только притворный Айболит на стене и ничьи игрушки по-прежнему сбивали с толку...

Мебели в кабинете почти не было. Письменный стол, одна на другой книжные полки, конторские стулья. Если бы не условно-добродушный Айболит на стене, Нина никогда бы не подумала, что здесь бывают дети. Позже Ксения рассказала, что это специальный кабинет, где принимают иностранцев.

Появилась нянечка. Нине кажется, что в руках у нее пусто, но в следующий миг она видит крошечное существо в белом платьице, с большим бантом на голове. «У нашей Риты заячья губа, – призналась накануне Роса. – Но это не страшно. Когда подрастет, губу зашьют, и ничего не будет заметно». Губа у Риты здоровенная, огненно-красная. Она ярко пылает на фоне бледного лица и нянечкиного халата, как алая гвоздика.

В первый миг Нина остолбенела. Она не представляла себе, как это выглядит. Открытая рана, похожая на заветренное сырое мясо. Из-за деформированной губы личико почти лишено мимики.

Следом за нянечкой приходит врач – обрюзглый, в замусоленном халате. По его виду сложно догадаться, что это и есть главный детский доктор дома малютки Сергей Степанович,

которого Ксения называла по-простому – Степаныч. Степаныч, рассказывала Ксения, за каждого усыновленного ребенка огребает хороший процент. Пухлую стопку евро, которую, сопя и криво улыбаясь, засовывает в отвисший карман халата. Одну часть пропивает, другую тратит на взрослого сына и собак, из жалости подобранных на улице. Еще Ксения рассказала, что в свое время Степаныч был настоящим казановой и на работу ходил, как козел в огород, – не пропускал ни одной нянечки, уборщицы или медсестры. Но в последние годы сильно сдал.

Степаныч берет Риту за руки и делает ей что-то вроде беби-йоги – перекидывает через плечо, переворачивает вниз головой, крутит солнышком. Наверное, хочет показать, как ловко умеет обращаться с детьми, за которых получает свои евро. Ребенок болтается в его руках, обреченно поглядывая на будущих родителей и шумно втягивая воздух кроваво-красной губой. В заключение Степаныч торжественно вручает девочку Хосе, достает мятые медицинские бумажки и кладет на стол.

– Заячья губа, – важно говорит Степаныч, – это расщелина губы и нёба, врожденный, так сказать, дефект. Виновата чаще всего наследственность или перенесенное матерью в первые три месяца беременности вирусное заболевание. Даже если инфекция была легкой и женщина не придавала ей значения, последствия для ребенка могут быть очень неприятными. Тяжелая беременность тоже может стать причиной. – Степаныч задумался. – Да. Помимо внешнего уродства, – продолжил он, – этот дефект доставляет массу неудобств. Ребенок не улыбается, с трудом говорит и ест, потом появляются проблемы с зубами. Требуется несколько операций. Зато на интеллект и общее развитие заячья губа никак не влияет. Есть вопросы? – И Степаныч взглянул на испанцев поверх очков. – Если есть, можете их задать соцработнику.

На смену Степанычу является квадратная, словно тумбочка, Ада Митрофановна, социальный работник дома ребенка, точная копия вредной чиновницы из департамента. Две эти дамы были до того похожи, что Нина не смогла бы отличить одну от другой, повстречав на улице случайно. Про Аду Ксения тоже рассказывала накануне. Говорила с уважением: по сути именно Ада была центральной фигурой в любом усыновлении – она распределяла детей между посредниками. Потом отобранных детей департамент пробивал по банку данных и оформлял законным путем. Посредников вокруг Ады кормилось предостаточно. Она держала их в постоянном напряжении, стравливала потихоньку между собой, вымогала деньги, обманывала, мухлевала – словом, развлекалась как могла.

Иногда Ада навевдалась по делам в Москву. Посредники до полусмерти боялись ее визитов, от которых зависело их будущее – каждая неформальная встреча с Адой сулила новых детей и новые заработки. Приходилось заранее организовывать культурный досуг – доставать билеты в театр, записывать Аду к модным столичным врачам. На несколько дней Ада вселялась в квартиру, и хозяева, побросав все свои дела, целыми днями разъезжали с ней по магазинам и рынкам. По Москве она шагала неспешно, небольшая и устойчивая, как шахматная ладья, во всем своем рогожинском великолепии – в тяжелой каракулевой шубе, в норковой шляпе, во французских духах. Если же Ада манкировала приглашением, впавший в немилость деловой партнер надолго терял душевное равновесие, терзаясь догадками – как и когда угораздило его провиниться перед Адой Митрофановной. Немилость грозила непредсказуемыми последствиями: поток детей сокращался или вовсе иссякал. На самом же деле никакой провинности могло и не быть – просто время от времени Ада меняла надоевших партнеров.

Однако хуже всего приходилось фаворитам, которых Ада приглашала остановиться в своей рогожинской квартире. Отказаться от приглашения было немислимо, и жертве приходилось несколько дней подряд пользоваться тяжеловесным гостеприимством, чинно вкушая чай и вода хозяйку по ресторанам.

Если же кто-то в самом деле допускал оплошность, результаты бывали катастрофическими. Жертва Адиного гнева теряла не только городской дом ребенка – ей легко и с удовольствием отказывали и в областном приюте, и в детских домах самого Рогожина и всей области.

В департаменте принимать ее больше не желали, а при ее появлении делали холодно-официальные лица, будто видели впервые и начисто позабыли звон рюмок в ресторанах и пухлые конверты, которые, как ручные голуби, мягко опускались на ладонь. Рано или поздно дверь в международное усыновление захлопывалась для жертвы навсегда.

– А как же департамент? – удивлялась Нина. – Я думала, это они детей выдают.

– Они отвечают за формальную часть, – объясняла Ксения. – Подписывают разрешение на знакомство, принимают у иностранцев личное дело, собирают бумажки. Короче, делают процесс легальным. Ада – дело иное...

Ада готовила ребенку так называемый юридический статус, без которого усыновить невозможно: официально ребенок должен считаться сиротой, подкидышем или отобранным у родителей, лишенных родительских прав. Нужного статуса дети иногда дожидались месяцами.

– Работает она очень много, – рассказывала Ксения. – Катается по деревням, разыскивает убежавших мамаш, собирает отказы. А то мать иной раз бросит ребенка и даже отказа не напишет. Ищут через милицию, а когда найдут, Ада к ней едет разбираться. Иногда далеко таскаться приходится, в другие регионы... Незаменимый человек.

– Кто же главный? – спросила Нина. – Директор дома ребенка?

– Ну да, официально директор действительно самый главный, – соглашалась Ксения. – Но это фигура чисто символическая. В дом ребенка он редко заглядывает. Встречается со мной лично, и я отдаю деньги.

– А за что ты ему платишь?

– Без его разрешения иностранцев на порог не пустят. Надоест ему – закроет лавочку, и до свидания. Никакая Ада ему тогда не указ. Только не надоест, прикормили. А вообще, – продолжала Ксения, – в любом деле есть номинальные фигуры, а есть реальные. Номинально главнее всех директор, а реально – Ада Митрофановна. Она весь дом ребенка держит в руках. Без Ады давно бы уже все загнулось. Вот только жадна до невозможности...

– Что, много просит? – спросила Нина, чтобы поддержать разговор.

– Она-то? Ха-ха, больше всех. И представь, зарабатывает гору, а сама требует везти ее на другой конец Рогожина за кормом для собаки.

– А почему так далеко?

– Там собачий корм на пять рублей дешевле. Вот она за ним и прется – сэкономить. Тем более на халяву. Приходится возить ее туда-сюда. Одного бензина сколько уходит, блин...

Ада Митрофановна степенно усаживается за стол напротив Нины. У нее румяное, еще совсем не старое лицо. Сосуды на щеках напоминают веточки красных кораллов. Несколько минут Ада внимательно изучает документы, потом снимает очки и внимательно смотрит на Нину прозрачными серыми глазами.

– Мать девочки, – начинает Ада, – молодая, незамужняя. Хорошая мать. Рита у нее первый ребенок. Наблюдалась у врача, беременность сохраняла. А увидела губу и отказалась.

– А кто девочку назвал? Откуда такое имя – Маргарита? – спросила Нина.

– Мать, кто ж еще. Они так всегда: придумают имя почуднее – а потом бросают. Чего только не бывает – Грета, Аделаида, Роксана...

Почему-то этот незначительный факт поразил Нину. Разве можно бросить ребенка, которому уже дали имя? Проще безымянного и как бы еще не окончательно своего. С именем – невозможно.

Внезапно дверь отворяется, и входят трое: иностранец, иностранка и переводчик. Высокие упитанные французы, муж и жена. Переводчица возле них выглядит школьницей-переростком.

Испанцы воркуют вокруг Риты, и Нина им только мешает – переводить все равно нечего. Французам приводят мальчика – старше Риты и с нормальной губой.

Нине они не понравились с первого взгляда. Уселись у окна и чопорно молчали, поджав губы. Им в голову не приходило погладить малыша или взять на руки. Наверное, они хотели младенца, и этот крупный подвижный карапуз в шортах кажется им слишком взрослым. Француженка высокая, грузная, без намека на талию и подбородок: на месте талии – плотный жировой валик, а подбородок заменяют рыхлые складки. Достает из сумки игрушечную машинку и ставит на пол. Мальчишка ее хватает и, сосредоточенно сопя, гоняет по всему кабинету, под столом, вдоль плинтуса. Мужчина сконфуженно бормочет что-то по-французски, потом забирает у мальчика машинку, нажимает кнопку и, присев на корточки, отпускает. Машинка с ревом несется к противоположной стене, переворачивается и едет обратно, устойчивая и проворная, как крупное насекомое. Испуганный мальчик пронзительно вопит. Французы выразительно смотрят друг на друга и неторопливо совещаются. Нина не понимает ни слова, но ей кажется, что мужчина в чем-то убеждает супругу, а та отвечает односложно, ритмично кивая, будто курица. Нина с гордостью отмечает, что ее испанцы намного симпатичнее противных французов.

Девочка Рита отняла у Хосе мобильный телефон, бережно разжав один за другим его пальцы, и осторожно приложила к уху. Хосе включает рождественский рингтон, и Рита слушает, боясь шевельнуться и приоткрыв от изумления рот. Роса целует ее в макушку, в нежные льняные волосы.

Через час Нина уже почти не замечает безобразной губы, и девочка не кажется некрасивой. Обычная губа. Девочка как девочка. Привыкаешь, и ничего в принципе нет ужасного. Потом губу зашьют, и следа не останется.

Окна кабинета густо синеют, словно на улице включили кварцевые лампы, хотя часы показывают всего четыре. «Погода меняется», – думает Нина, откидываясь к стене.

Равномерное журчание голосов усыпляет. Почему-то ей никак не удается вспомнить, как зовут свирепую чиновницу из департамента. Она даже не уверена, что Ксения как-то ее называла. Нина дремлет с открытыми глазами. За несколько секунд ей успевают присниться целый сон про Аду и безымянную даму из департамента. Во сне они превращаются одна в другую, сливаются, как две наложенные друг на друга переводные картинки, становятся кем-то третьим, и этот третий с топотом уносится от Нины куда-то по пустынному коридору дома ребенка.

Разбудила Нину нянечка, которая пришла забирать Риту.

– Ритуся, – ласково лепечет крошечная тетенька, протягивая руки, – пора обратно в группу, кушать и спать.

В дверях Рита обернулась и посмотрела на испанцев равнодушно и сонно, как смотрят в окно на падающий снег.

Когда Нина застегнула пальто и уже собиралась выходить, позвонила Ксения.

– Слушай, тут дело срочное... У тебя в мобильнике есть фотоаппарат?

– Есть, – ответила Нина.

– Отлично. Тогда найди Аду. Она тебя кое-куда проводит, и ты сфотографируешь еще одну девочку... У этой кривая спина. Позвоночник больной. Родители просят прислать фотку, чтобы в Испании показать врачам. Представляешь, совсем я про это забыла! У тебя три минуты займет, а если я пойду, Ада прицепится с разговорами...

– Подожди, – занервничала Нина. – Ты с ней-то договорилась? А то они все на меня так смотрят...

– Договорилась. Иди и ничего не бойся.

Из кабинета навстречу Нине выплыла сама Ада Митрофановна.

– Нина? Так. Вот Верочка, медсестра. Она вас проводит.

Нина оставила испанцев внизу, сняла пальто и вслед за медсестрой Верой зашагала по коридору вглубь здания.

Они вошли в небольшую комнату. Это было специальное отделение, куда собирали детей-инвалидов. Кроватки тесно сдвинуты одна к другой. Голые матрасы покрыты клеенкой.

Перед ними в кровати стоял мальчик с обрубком вместо правой руки.

– Родители – наркоманы, – объяснила Вера.

Мальчик улыбался Нине, показывая два новеньких белых зуба на розовых деснах, и тянул здоровую руку.

Зато девочка в соседней кровати не улыбалась и даже не смотрела на Нину: она неподвижно лежала на спине, к ее крохотному тельцу лепилась большущая, как арбуз, голова. Измученное лицо казалось пугающе взрослым.

– Что с ней? – спросила Нина.

– Макроцефалия, – ответила Вера. – Из хорошей семьи, между прочим. Родители здоровые, не пьют...

– Как же она будет жить дальше, с такой головой?

– Трудно сказать... Да и разве это жизнь? Одно мучение. Судороги, боли, бесконечные обезболивающие уколы, она без них не может.

Нина уже сфотографировала Ксенину девочку, которая по сравнению с остальными казалась совершенно здоровой, Вера куда-то вышла, и она растерянно стояла посреди комнаты. Со всех сторон на нее смотрели больные дети – с клешнями вместо рук, с целыми гроздьями пальцев, с деформированными головами, с безобразными наростами по всему телу. Но через минуту Нина этого уже не замечала, она видела только глаза – любопытные, озорные, погасшие, печальные, страдальческие, слепые, с бельмами, напоминающими озера, подернутые ранним льдом. От острого запаха мочи и лекарств Нину тошнило. Она вспомнила, как где-то случайно увидела статью про интернат для детей-инвалидов. Этими детьми никто не занимался, тяжелобольные лежали без обследования. Умирали от истощения. Нина запомнила фотографии. Серое кирпичное здание, пустое поле, железные кресты: кладбище. Имена детей на табличках не сохранились, их уничтожили дождь и снег. Рядом – ямы, заросшие сурепкой и хвощем, – будущие могилы.

Вскоре пришла Вера, и Нина вернулась к испанцам. Те, уже одетые топтались в вестибюле. Нина накинула пальто и вышла на улицу.

Теплая вонь, к которой она уже успела привыкнуть, осталась позади, Нина глубоко вдохнула сладковатый сырой воздух.

– Как дела? – спрашивает Ксения, смахивая с капота снег.

– Отлично. Лучше, чем в департаменте.

– А ребенок?

– Хороший. Зашьют губу – и все будет в порядке.

– Молодец! А вторая девчонка?

– Вторую сфотографировала. По электронной почте тебе скину.

Снаружи намного светлее, чем казалось в кабинете. Светлее и холоднее. От сырости и холода у Нины слезятся глаза.

Все уселись в Ксенин джип и отправились обратно в гостиницу. После дома ребенка и зябкой уличной сырости салон автомобиля кажется чилаутом столичного клуба.

Нина смотрит в ветровое стекло на проносящиеся деревья, улицы, здания, и снова сомневается в реальности происходящего. На мгновение привычные связи распались, и она перестает понимать, как проникли в ее жизнь эти тусклые вечерние огни, силуэты прохожих, спешащих по заснеженным тротуарам Рогожина, незашторенные окна деревянных домов, где с улицы можно разглядеть унылую бедняцкую мебель и включенную люстру.

Ксения припарковалась возле гостиницы, Нина вылезла первой и выпустила испанцев. Каждый шаг оставляет в снежном месиве синеватую полынью с ровными краями.

– Спроси, понравилась ли им девочка, – велит Ксения, когда они поднялись в номер и заперли дверь изнутри.

– Очень понравилась, – с готовностью сообщает Нина, расстегивая пальто и приглаживая взъерошенные волосы.

Она бегло рассматривает в зеркале румяное после уличного холода лицо. Разве скажешь, что ей скоро тридцать? Замечательно: людям помогла, хорошее дело сделала! Теперь у Заячьей Губы будут родители, у испанцев дочка, у Элениты сестра. Все же это лучше, чем распинаться перед скучающими первокурсниками...

– Нет уж, ты их спроси. Пусть ответят сами.

Ну конечно, с какой стати Нина влезла. Она переводит Ксенин вопрос. Испанцы оживленно кивают: они с самого начала все решили.

– А раз так, пускай платят аванс.

Хосе сует руку в клеенчатую сумку, спрятанную на поясе под одеждой, и достает толстую пачку, согретую телесным теплом. Протягивает Нине.

– Шесть тысяч евро. Аванс, как договаривались.

Нина растерялась. Она с трудом улавливает связь между спертым воздухом приюта, больным ребенком и пачкой денег в руке. Машинально переводит все Ксенин, отдает деньги, и только потом до нее доходит, что она, вероятно, ослышалась. Шесть тысяч? Аванс? За что? За то, чтобы стать родителями сироты с гвоздикой на губе?

Нина открыла было рот, чтобы уточнить цифру, но Ксения уже невозмутимо уселась за стол и принялась пересчитывать. Она считала не торопясь, бережно слюнявя пальцы. Деньги раскладывала в кучки по пятьсот евро. Теперь перед ней на столе лежала уже не одна, а двенадцать небольших стопок.

Перед обратной дорогой пили кофе в гостиничном буфете. Испанцы по-прежнему вежливо улыбались, Нина изо всех сил изображала оживление, но ей было неловко. Пачка купюр, перекочевавшая из-под рубашки Хосе через Нинины руки в Ксенину папку, бесследно рассеяла то особое тепло, которое, казалось Нине, возникло между ними накануне, когда сидели в пиццерии. И потом, когда все вместе отправились на знакомство с Ритой, она была не просто переводчиком: она беспокоилась, чувствовала ответственность. Увидев безобразную губу, всерьез испугалась, что Риту не возьмут. Гордилась, что ее испанцы лучше чужих французов. И вдруг все куда-то подевалось.

На улице стемнело, а они по-прежнему сидели в буфете, поджидая Ксению.

* * *

К вечеру джип мчится в Москву – сквозь вьюгу и тьму.

Захолодало. Дует крепкий ветер, поднимая в воздух сухую морозную пыль.

Нина восхищается Ксенией: как она практична, как уверена в себе, как ловко ведет сквозь пургу большую тяжелую машину. У Ксенин был трудный день: пока испанцы вместе с Ниной сидели в доме ребенка, а потом не спеша пили кофе, она колесила по Рогожину, обошла всех чиновников с деньгами и подношениями. И вот день кончился, все устали и по дороге будут отдыхать, а Ксения снова за рулем – светит фарами в темноту, толкая перед собой дрожащую световую бабочку по скользкой, почти не различимой в потемках дороге. В ее рюкзаке, в черной кожаной папке едут шесть тысяч евро. Нина ни разу в жизни не держала в руках таких денег. Даже если сложить вместе все ее зарплаты, стипендии, выручку за частные уроки – даже тогда похожая сумма вряд ли наберется. Шесть тысяч евро, обалдеть. Удивительная женщина! Баба с железными яйцами!

Собой Нина тоже довольна: в ее кошельке лежат две новенькие свежие сотки. А двести евро – это две недели преподавания в университете. Восемь частных уроков, на которые Нина

существовала последние пять лет. Один урок – полдня жизни: подготовка, дорога, полтора часа один на один с учеником, чашка чая с печенькой, потом обратно. С некоторых пор частные уроки утомляли Нину даже больше, чем занятия с группой студентов. А что, если зеленые сотки будут попадать к ней в кошелек регулярно? Ну, скажем, два-три раза в месяц. Тогда Нина сможет отказаться от опостылевших учеников и как следует заняться диссертацией.

Вдоль дороги проносятся сказочные укрытые снегом ели. Наверное, ни разу в жизни Хосе и Роса не видели такого царственного величия, такой совершенной белизны. Поднялся настоящий буран, снежный ветер бьет в лобовое стекло, и Нине кажется, что им навстречу тянет лепестки огромная белая хризантема. Фары освещают ее таинственную глубину, а вокруг мерцают целые галактики кружащихся снежинок.

К ночи подморозило. Когда были уже под Москвой, облака разошлись, и в небе показалась полная луна, окруженная ровным сиянием. Ксения включила радио, салон джипа наполнила незатейливая ритмичная музыка.

Пахло духами Росы.

Снег в полях блестел.

Почему-то Нине было жалко испанцев. Во всем, что произошло, ей виделась какая-то ошибка, но она не могла в точности определить, кто ошибся. Ведь она честно делала свою работу. Переводила все до единого слова, набивалась в бесплатные друзья, улыбалась, рассказывала про Россию. И Ксения, по-видимому, тоже работала на совесть. Никто никого не обманывал, все было условлено с самого начала.

Уже перед самой Москвой, убаюканная теплом, она задремала. Она не видела, как впереди в электрической заре показались усыпанные огнями, подсвеченные со всех сторон бетонные айсберги. Но даже сквозь сон чувствовала огромную теплую благодарность.

* * *

Даже если собрать вместе все фонари центральных улиц города Рогожина, их все равно не хватит, чтобы осветить широкий проспект, по которому они въехали в Москву.

Два совершенно отдельных мира. Как с деньгами: с одной стороны, Нинина университетская зарплата, с другой – Ксенин аванс. Разный масштаб.

Домой возвращаться не хотелось – слишком много впечатлений, нужно было с кем-нибудь их обсудить.

Высадив испанцев у отеля, они отправились домой к Ксении. Ксения жила неподалеку от центра в старом районе. Крошечная малогабаритная квартирка. В единственной комнате уютно, ничего лишнего: шкаф-стенка, пушистый ковер на полу – комната напоминала гостиничный номер. Ксения принесла из кухни поднос – тарелки, чашки, ложки, нож. Уселась потурецки прямо на ковер, открыла купленный в супермаркете вишневый торт, разрешила его на две половинки – одну шлепнула в Нинину тарелку, другую в свою. Протянула Нине ложку.

– Испанец ничего себе мужик, между прочим. Осанистый. А баба у него так себе.

Торт восхитительный – воздушный, со свежими вишнями. Нина ни разу такого не пробовала.

– Вот это я понимаю – ужин, – Ксения отковыривает ложкой большой кусок и отправляет в рот. – Но это в последний раз, с завтрашнего дня опять на диету.

Нине очень хочется еще расспросить про усыновление.

– Не знала я, что это стоит так дорого, – начинает она.

– Дети-то? Еще бы, об этом болтать не принято. Если человек в теме, он афишировать не станет. Просто возьмет и начнет зашибать бабло сам. – Ксения жует торт и запивает чаем. – Международные усыновления – это золотое дно. Только обогащаюсь-то не я, вот что обидно, – добавляет она, поднимает глаза от тарелки и пристально смотрит на Нину.

– Да? А кто?

– Есть тут один... Давний мой приятель, учились вместе. Зовут Кирилл. Он находит испанцев, запускает процесс, и все деньги достаются ему. А я так, наемный работник. Катаюсь в регион, тусуюсь с чиновниками, Аду выгуливаю по ресторанам, детей из нее выбиваю, а деньги потом отдаю Кириллу. Из шести тысяч, которые нам сегодня заплатили, мне не достанется почти ничего. И живет Кирилл иначе, чем я, – гражданин Канады, бляха-муха, в Испании у него вилла с конюшней и бассейном. Я там была, всю эту красоту неземную своими глазами видела.

– Ты бы хотела жить, как он?

– Нет, конечно. Понимаешь, для меня главное – свобода. И это все, – она обвела рукой комнату с пушистым ковром, – меня вполне устраивает. Я люблю жить одна... Встать утром пораньше – и пойти бегать в парк. А вечером люблю, когда приходят друзья. Они у меня тоже в особняках не живут. И граждан Канады среди них нету... Чтобы жить, как живет Кирилл, надо быть готовым к тому, что и окружение твое переменится, а вместе с ним все остальное – стиль жизни, развлечения, одежда. Нафиг оно мне? У меня запросы скромные.

– А как он начинал, этот Кирилл? – спрашивает Нина. – Его тоже кто-то нанял?

– Кирилл – тайна, покрытая мраком. Сам он про это не говорит, а я лишних вопросов не задаю. Скажем так: кому надо, тот отлично знает, какое это выгодное дело, и всеми силами стремится в него влезть. Это лучший бизнес, какой только есть сегодня в России. – Ксения ставит тарелку и смотрит на Нину в упор. – Понимаешь?

– Понимаю. – Отчего-то Нине делается не по себе.

– А если человек все понял, то сразу же постарается им заняться. Сначала потихоньку. Вот как ты. А потом все идет само – коготок увяз, всей птичке пропасть. Открыть свой регион – это все равно что золотую жилу найти.

– А это трудно – найти регион?

– Должна быть зацепка. Вот у тебя, к примеру, есть подруга детства – какая-нибудь простецкая Фрося Табуреткина. Вы с этой Фросей вместе сбегали с уроков, таскали косметику у мамки, в мальчика одного влюбились, покупали заграничные шмотки у спекулянтов. Лицом Фрося твоя не очень, мальчик любимый ее бросил, она три дня рыдала, а ты ее утешала. Такого не забывают. Но потом ваши дорожки разошлись: ты поступила в университет, студентам преподаешь, диссертацию пишешь. А Фросю Табуреткину, подругу твою душевную, устроили по благу мелкой чиновницей куда-нибудь в министерство образования. Или в мэрию города Рогожина. А может, Фрося окончила пединститут и работает социальным педагогом в доме ребенка. Тихий скромный социальный педагог, этакая ленивая русалка на золотом дне. Но однажды вы встретились. Не важно, кто к кому приехал – она к тебе или ты к ней, между вами никаких счетов нету, и не имеет значения, кто кому первый позвонил, кто в гости собрался. Подруги детства – дело особое. И вот пьете вы чай, пирожки жуете – Фрося твоя печет лучше всех и вообще готовить умеет. А потом начинаете трепаться о всякой всячине: о мужиках, ремонте, бывших одноклассниках. Ну и про деньги само собой тоже – ни тебе, ни ей на жизнь не хватает. В Испанию лишний раз съездить – и то не наскрести. А потом – опять-таки не важно, кто начал первый, ты или она – одна из вас рано или поздно задает вопрос: а почему бы не заняться вместе выгодным делом? У тебя есть знакомые испанцы, у нее – кнопки и рычаги. А сирот по российским просторам хоть вагонами грузи.

Ксения умолкла и вытерла уголки рта салфеткой.

– Вы обе, ты и твоя Фрося, прекрасно знаете, что бизнес этот процветает. Вы уже выяснили, как все получше обстряпать. А если начистоту, то и встретились вы не просто так, хотя прямо друг дружке в этом не признаетесь. Вы встретились, потому что ты – ключ, а она – замок. Друг без друга вы ничего собой не представляете, зато вместе превращаетесь в золотой поток. Вот и понеслось.

– Что понеслось?

– Фрося сама этим делом заниматься не станет. Она женщина осмотрительная, местом своим скромным в министерстве образования или мэрии города Рогожина очень дорожит. Усыновления для нее лишняя копеечка в дом, спортивный интерес, но не больше. На первых порах она и мужу ничего не скажет. Будет тихо сидеть в своем кабинете, тебя, подругу детства, звать в гости. А между делом позвонит куда следует, с кем нужно поговорит, а ты ей потом за это денежку в клювике принесешь – ты сегодня сама видела, какая бывает денежка. Но и это только полдела.

– А другая половина?

– А дальше тебе самой придется все устаканивать. Кроме департамента образования существуют дома ребенка, детские дома, а в них тоже люди работают. Потом – роно, органы опеки. И в них не вороны сидят. Дальше – суд, загс, ОВИР. Ребенку усыновленному нужен паспорт заграничный для выезда в Испанию, причем сделать его должны за один день, а не за месяц, как по закону положено. Сейчас такое время – у всех, кто имеет к сиротам доступ, нос по ветру. И всех ты обязана улаживать. Люди должны тебя захотеть, потянуться к тебе.

– И ты все делала сама?!

– Нет, конечно. На это полжизни пришлось бы потратить. Кирилл помогал, ему спасибо. Придем с ним в мэрию, а он: здравствуйте, это Ксения, моя хорошая знакомая, прошу любить и жаловать. После мэрии – в опеку, в детские дома. И уже в самом конце – загс, ОВИР, суд. Везде меня за руку провел, как отец родной. Зато теперь грабит. Я, кстати, познакомить вас должна: он интересуется, с кем и как мы работаем. Я и предыдущую переводчицу ему тоже предьявляла, так что не удивляйся.

Нина уже выходила из Ксениного подъезда, когда зазвонил мобильник.

Даже не взглянув на определитель, она почувствовала: звонит Макс. Она знала это в тот миг, когда мобильный ожил, и даже еще раньше: за секунду до звонка машинально сунула руку в карман.

– Привет... Занята?

– Только что вернулась из Рогожина.

– Ничего себе! На экскурсию ездила?

– Да какая экскурсия! Работа...

Нина догадывается, что он звонит не из дома. Слышны голоса и шум автомобилей.

– А сейчас что делаешь?

– Еду домой. А что?

– Так... Увидеться хотел.

– Не получится сегодня... Устала очень. Завтра? Завтра вечером испанцев провожаю.

– А послезавтра?

– Послезавтра надо готовить контрольную для студентов...

Она видит: Макс замедлил шаги, в сыром воздухе появилось и растаяло облачко дыхания:

– Ишь ты, деловая какая... Жаль.

Нина улыбнулась:

– Я тебе чуть позже перезвоню на домашний и все расскажу, ладно?

– Ладно, пока.

* * *

Нина познакомилась с Максом в то хрупкое время года, когда поздняя осень сменяется на зиму.

Листья упали и лежали на асфальте, смешиваясь с грязью, которая липла к подошвам.

Она хорошо запомнила то утро и все, что было в нем: легкий мороз, сонный покой, который охватывает землю незадолго до обильного снегопада.

Занятия кончились рано, к полудню она освободилась. Оставшись на кафедре одна, спрятала в стол учебники, сполоснула кофейную чашку и уже надела пальто, как вдруг за окнами стемнело, небо сделалось низким, и повалил снег.

Пальто она застегивала уже на ходу – так хотелось побыстрее на улицу, в белую мглу.

Она вышла из гуманитарного корпуса и зашагала по дорожке к метро. Снег падал хлопьями, он быстро укрыл прихваченные морозом лужи, облепил ветви яблонь, каштанов и лип. Мир доносился до Нины словно издалека. Вместо города – тихое шелестение. За чугунной оградой пешеходы торопились по своим делам, пригнув головы и подняв воротники.

Нина часто гуляла по университетским аллеям. Она плохо представляла себе, как устроен город, и весь район от станции «Воробьевы горы» до «Проспекта Вернадского» виделся ей бесконечным узором из ветвей и стволов, приводя на память «Непрерывность парков».

Внезапно она раздумала идти к метро – не хотелось спускаться в душное подземелье, – миновала ворота и двинулась дальше.

Она увидела его издали, и от восторга у нее захватило дыхание: до чего же правильное занятие выбрал в эту зимнюю погоду незнакомый парень с профессиональной фотокамерой в руках! Опустившись на одно колено, он фотографировал снег. Она замедлила шаг, не сводя с него глаз – так необычно выглядел он в черном пальто среди белизны и грозового сумрака. Словно оторвался от земли и парил в воздухе вместе со снежинками.

Она уже прошла мимо, как вдруг он ее окликнул:

– Девушка, подождите! Здрасьте...

Закрыв объектив и отряхнул снег с пальто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.